

УДК 81'373.423:811.161.1

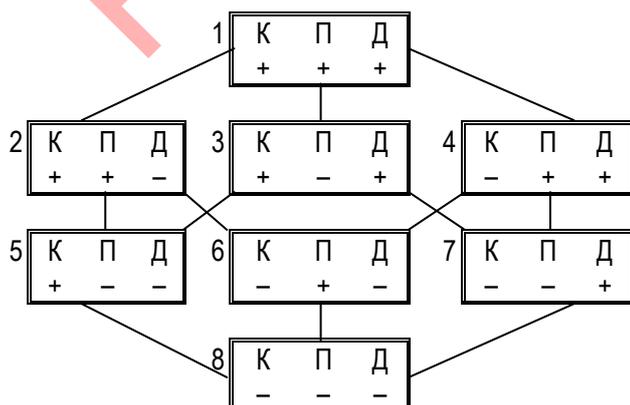
А.И. Головня, кандидат филологических наук, доцент
кафедры прикладной лингвистики БГУ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ОМОНИМИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Автоматическая обработка текстов, далее машинный перевод, а совсем недавно создание интеллектуальных систем, связанных с использованием естественного языка, снова выдвинули проблему омонимии на первый план. Проблематика статьи касается исследования системности омонимии в языке.

При формальном анализе, базируясь на трех наиболее общих признаках, характерных для любого письменного языка, использующего буквенный алфавит: качество букв в словоформе (К), порядок следования букв в словоформе (П) и длина словоформы (Д), – были выведены восемь подсистем и среди них две интересующие нас – подсистема 1 и подсистема 4 [1, с. 57–63]. Формализм вывода здесь имел следующий характер: мы знаем значение словоформ, но не пользуемся им при дальнейшем построении других систем. Такое разрешение нам дают логики: «Итак, чисто формальной относительно анализа (философского или метатеоретического) будет языковая система, анализ которой не опирается на семантическое содержание системы. Не опираться на семантическое содержание можно либо потому, что его вообще нет, либо потому, что оно, вообще говоря, имеется, но никак нами не используется» [2, с. 62–63].

Формальная система омонимии

Подсистему 1 должны наполнять словоформы, имеющие одно и то же качество составляющих их букв, расположенных в одном и том же порядке, и одинаковую длину. Такими элементами будут многократные или однократные вхождения словоформ типа *печь, печь...; печь; смолы, смолы; плачу, плачу; план, план; рублю, рублю* и т. п. Омонимы в этой подсистеме формально могут быть выделены только через различное окружение и разные матрицы симметрично-асимметричного типа. То же относится и к полисемии.

Построим такую матрицу, куда в столбцы будем вносить слова, имеющие линейную симметрию (размерностью 3) или одинаковые начала, сохраняющие эту одинаковость при увеличении длины слова на 1 знак, на 2 знака и на 3. В строки будем вносить слова, различающиеся начальной буквой, но сохраняющие остальные.

Столбцы при таком условии будут иметь начальную симметрию и конечную асимметрию. Строки будут иметь начальную асимметрию мерностью в 1 знак и последующую симметрию.

Матрица

1	2	3	4	5	6	7	8	9
жар	пар	фар	дар	бар	вар	кар	нар	чар
жара	пара	фара	дара	бара	вара	кара	нара	чара
жару	пару	фару	дару	бару	вару	кару	нару	чару
жаре	паре	фаре	даре	баре	варе	каре	наре	чаре
жаром	паром	–	даром	баром	варом	каром	наром	–
жарой	парой	фарой	–	–	–	карой	–	чарой
–	пары	фары	дары	бары	–	кары	нары	чары
–	парах	фарах	дарах	барах	–	карах	нарах	чарах
–	парам	фарам	дарам	барам	–	карам	нарам	чарам
–	парами	фарами	дарами	барам	–	карами	нарами	чарами

Матрица может и дальше расти по горизонтали и вертикали. Так, в 10-й столбец можно будет внести элемент *таре*, в 11 – *шаре*, в

12 – *харе*, далее – *заре*, *ларе*, *царе*, что даст возможность вносить по вертикали *заря*, *зарей* и далее со сменой гласных – *зори*, *зорь*, *ларь*, *царь* и т. п. (своего рода гомологические сдвиги по В.А. Карпову).

Мы сознательно идем на симметризацию матрицы, зная, что формы *фар* и *дар* имеют разное грамматическое значение, то есть в этом плане они асимметричны, а во втором столбце пересекаются формы 3 лексем: *лар*, *пара* и *паром*. Формально же можно говорить только о полноте/неполноте системы и типах заполнения матрицы, предполагающих, что разница в заполнениях обязательно должна обнаруживаться при содержательном анализе семантико-грамматическую разницу.

При 12 потенциальных формах глубина матрицы имеет размер 10, что уже предполагает омонимию как совпадение форм при несовпадении значений. В случае *лАрОм* мы имеем два ударения, что также может свидетельствовать об омонимии. При этом мы имеем 5 типов заполнений:

тип 1 – вырожденный, неполный – 6-й столбец (5 форм);

тип 2 – вырожденный, неполный – 1-й столбец (6 форм);

тип 3 – с одной "-ом" – дыркой – 3 и 9 столбцы (9 форм);

тип 4 – с одной "-ой" – дыркой – столбцы 4, 5, 8 (9 форм);

тип 5 – полный – столбцы 2, 7 (10 форм).

Формально можно говорить о полноте/неполноте системы и неформально – о разной степени совпадений/несовпадений форм и семантики в рамках симметрично-асимметричной матрицы:

1. жар:жара	родовая, один корень
2. пар:пара: парОм	родовая, разные корни
3, 4, 6	нет омонимов межпарадигматических (наложений), есть внутрипарадигматическая омонимия
5. бар: бары (господа)	разные корни, нет родового противопоставления
7. кар:кара: карЕ	родовая, заимствованное:свое, изменяемое:неизменяемое, разнокоренные
8. нар (гранатник):нары	разнородовые (мужской род противопоставляется нулю рода), разнокоренные
9. чара (сосуд): чары	разнокоренные, разнородовые (женский род противопоставлен нулю рода)

Из 9 столбцов матрицы только в 4 нет межпарадигматической омонимии, остальные столбцы предельно омонимичны.

Подсистему 4 при условии, что вариантом разного качества букв может считаться их

размер – *к:К*, также наполняют омонимы типа *Лада* (автомобиль) и *лада* (лад), *газ* и *ГАЗ* (Горьковский автозавод) и т. п. Среди таких слов мы видим омонимичные противопоставления уже другого вида – обычное слово: аббревиатура, имя нарицательное:имя собственное и другие типы.

Такое симметрично-асимметричное представление уже задает направления исследования омонимии: 1) внутривариетической:межпарадигматической в рамках одного класса и разных классов; 2) однородовой:разнородовой также в рамках одного и разных классов; 3) однопадежной:разнопадежной; 4) одночисловой:разночисловой; 5) свое:чужое; 6) обычное слово:аббревиатура.

Симметрия – асимметрия, как мы доказали выше, являются фундаментальными категориями для выделения омонимии как общего свойства объектов одного рода и разного рода.

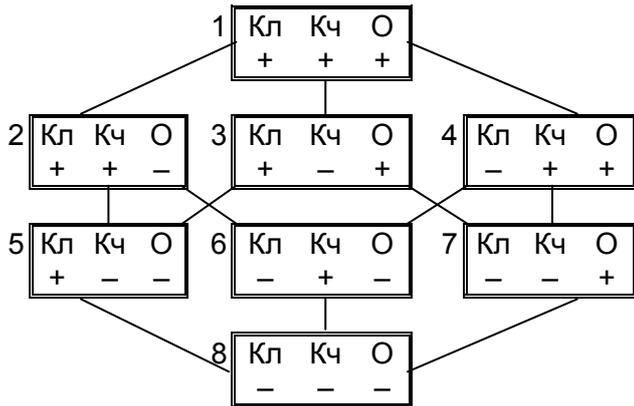
Две подсистемы из восьми октета КПД содержат омонимы, то есть даже при таких признаках формального рассмотрения словоформ рассыпанного на словоформы универсума можно говорить о 25-процентной теоретически возможной омонимии на уровне подсистем словоформ.

Это важно – теоретически предсказать минимум и наблюдать в дальнейшем его сохранение/несохранение или убывание/возрастание. Наиболее важный итог этого раздела: омонимия заложена в системе, и ее теоретически предполагаемый минимум выражается 25 процентами.

Предложение 3 ОТСУ (общей теории систем Ю.А. Урманцева) о семи типах преобразования в системе можно рассматривать и в лингвистической интерпретации. Являясь подсистемой языка как целостной системы, омонимия претерпевает в рамках системы те же самые изменения, что и система в целом. Это же относится и к ее развитию. Докажем это, воспользовавшись кубом, приводимым в работе «Язык как система» для доказательства языковых изменений и трансформаций, но уже связывая изменения в языке с омонимией [1, с. 93; с. 139].

Целостная система изменений представлена 8 подсистемами, каждая из которых на своем уровне является целостной автономной системой. Количественные изменения представлены сокращением «Кл», качественные «Кч» и относительные «О». В указанной работе доказано, что изменения в языке-системе могут происходить за счет всех 8 способов. Плюс означает сохранение, минус – несохранение признака/признаков.

Система изменений (преобразований)

Теперь обратимся к омонимии. Подсистема 1 демонстрирует сохранение количества, качества и отношений словоформы. Это аналог тождественного преобразования, когда объект-система покоится, не претерпевает никаких изменений. Наличие этой подсистемы в целостной системе обязательно, так как только на фоне сохранения объектов и их свойств можно говорить о 7 типах изменений в системе.

Количественные изменения (подсистема 4) в системе касаются следующих основных моментов:

- ввод (вхождение) новых элементов в систему или выход элементов из системы. Вхождение словоформ в систему является одним из основных способов увеличения омонимичности языка, особенно при заимствовании неизменяемых слов, где в одной форме (для существительных) существует 6 или 12 форм, различаемых лишь контекстуально, ср. *меню, жюри, атташе* и т. п. По данным Обратного словаря (ОС), в языке функционирует 542 существительных и 35 прилагательных [3, с. 942]. Появление новых омонимических узлов увеличивает омонимическую плотность системы лексики. Системное словообразование внутри системы также увеличивает число словоформ и является базой для создания омонимичных отношений. Выход слов из системы может снимать омонимию, если забывающееся, выходящее из употребления слово было омонимичным.

Качественные изменения (подсистема 3) касаются изменений качественного порядка, например, субстантивации, когда одна из форм прилагательного начинает употребляться без существительного, которое подразумевается – *мастерская, кондитерская, сельтерская* и т. п. Такое явление означает образование нового омонима. Создание имен собственных на базе нарицательных мы относим к этому виду преобразований, а это также еще одна разновидность омонимов.

Относительные изменения (подсистема 2) заключаются в изменении отношений между объектами системы. Так, изменение ударения в системе – показатель изменения отношений. Появление нового ударения может служить показателем вариативности (ср. *атОмный* и современное *Атомный*) или обозначать развившуюся омонимию, снимаемую ударением, поэтому мы считаем эту подсистему связанной с омонимией и омонимизацией. Так как эта подсистема связана с подсистемами 5 и 6, то и в них уже потенциально заложена омонимичность.

Комбинаторика 3 основных типов изменений дает 4 новых интегративных системы изменений. Они могут рассматриваться как собственно интегративные, так и перечислительные, то есть в языке есть и количественные, и качественные, или количественно-качественные преобразования.

Количественно-качественные изменения (подсистема 7) предполагают сохранение отношений и могут при изменяющемся количестве и качестве означать:

1) развитие неизменяемым словом форм изменения, при этом интенсивность омонимичности падает до нескольких форм вместо всех омонимичных. Особенно хорошо это видно у дериватов, созданных на базе неизменяемых слов, ср. *кофе* – неизменяемое слово, *кофеек* уже изменяется и имеет 2 омонимичных формы, прилагательное *кофейный* имеет еще больше омонимичных форм;

2) появление омонимичных пар при заимствовании слов, которые начинают изменяться после входа в систему, ср. *прима* – *ПРИМУ* (балерина), *Прима* (сигареты) и *принять* – *примУ*; слово *умереть* не имело омоформ до появления слова *умра* (малый хадж – *совершить умру*);

3) появление новых омонимичных пар имеет место:

а) при обычном суффиксальном словообразовании. Так, если слова *лес* и *леса* (часть удочки) были омонимичны, то логично предположить, что и их дериваты теоретически могут создавать омонимию – *лесок:леска*, что и отмечено в реальности, и это не единичный случай.

б) при словосложении: форма глагола *ползала* не была омонимичной до появления сложного слова *пол/зала*, когда эта пара возникла.

в) слово *бобслей* до создания усеченной разговорной формы *боб* имело только внутрипарадигматическую омонимию; после создания такой формы оно стало омонимом слову

боб (растение и плод), то есть развилась меж-парадигматическая омонимичность.

д) при регулярном процессе словообразования, когда имеет место родовое противопоставление вариативное (*коробОк:корОбка*), или родовое:родовое (*морячОк:морЯчка*), или место:процесс (*садок:сАдка*), или продукт:процесс (*валОк:вАлка*) и т. п.

Отмечено снятие омонимии при создании словосочетания и сжатия его до новой формы. Так, слово *полк* и *пОлка* были омопарой. Создание сочетания *командир полка* оставило омонимию незатронутой, но сжатие сочетания до *комполка* снимает омонимию полностью. Отметим, что в ряде случаев происходит обратный эффект. На месте снятой омонимии одного рода появляется омонимия другого рода. Так, слова *комиссия*, *комитет*, *комиссар*, *командир*, *коммунистический* при линейной симметрии не были омонимичными между собой. Создание на их базе сложных слов привело к омонимизации морфем: ср. *ком-бат*, *испол-ком*, *воен-ком*, *ком-партия* и т. п., где морфема *-ком-* омонимична – скрыта принадлежность к части речи, к семантике. Появление новых сложных слов типа *гор/ком/имущество*, *ком/порты* (*ком-* – от *коммунальный* и от *коммуникативный*) еще более увеличивает число омонимичных морфем в сложных словах.

Как видим, в рамках одного и того же способа мы наблюдаем сосуществование двух противоположных тенденций, что говорит о диалектике развития системы омонимии.

Количественно-относительные изменения (подсистема 6) предполагают сохранение качества словоформ. Примером таких изменений могут служить предлоги и аббревиатуры: *с* – предлог и *с* аббревиатура (формальная, знаковая), появление неизменяемых слов типа *су* (монета) и имен собственных *Су* (от фамилии авиаконструктора Сухой) и т. п. Это не настолько мощный тип изменений в отношении омонимии, но и он присутствует в языке-системе.

Качественно-относительные (подсистема 5) изменения происходят без изменения количества словоформ. При этом виде изменений увеличение количества словоформ может связываться с изменением отношений, а значит, и с омонимией. Так, использование форм типа *Серезж*, *Петь*, *Маш*, *Коль*, *Нин*, *Вер* и т. п. в таком, например, контексте: «*Марусь*, а *Марусь*», – это новая форма, не означающая родительный падеж множественного числа. Это своего рода звательный падеж (по крайней мере, форма обращения), получившийся усечением исходной формы *Маруся*.

Количественно-качественно-относительные изменения (подсистема 8) представляет, на наш взгляд, аббревиация, создающая омонимию. Это наиболее мощное преобразование, так как оно затрагивает синтаксис, словообразование и словоизменение. Аббревиация изменяет: а) количество словоформ в системе; б) качество словоформ. Так, *высшее учебное заведение* представляет слова среднего рода, тогда как *вуз* – уже существительное мужского рода; в) отношения. Так, *учебное заведение построено* согласование по среднему роду, а *вуз построен* – уже по мужскому роду.

Таким образом, доказано, что из 7 типов изменений (преобразований), предлагаемых ОТСУ без учета тождественного преобразования, с омонимией и омонимизацией системы как процессом связаны все 7 подсистем целостной системы преобразований. При этом видны переходы из подсистемы в подсистему, что важно для интерпретации динамики системы.

В связи с этим доказательством надо остановиться на трактовке Л.В. Малаховским таких признаков системности, как «органичность» и «неорганичность». По его мнению, базирующемуся на упомянутых признаках в интерпретации И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина [4], омогруппа не удовлетворяет определению органичной системы. По Л.В. Малаховскому:

1) система органична: а) когда имеет связи структурные и генетические; б) когда есть отношения субординации; в) когда свойства частей определяются структурой целого, части не способны к самостоятельному существованию; г) когда целое обычно активнее элемента.

2) система неорганична: а) если связи только структурные; б) если отношения координации (взаимодействия); в) если свойства частей определяются их внутренней структурой, части могут существовать самостоятельно; г) если элемент часто активнее целого [5, с. 210].

Если омонимия может быть у однокоренных слов типа *голубок:голубка*, значит, есть и генетические связи. Сам распад полисемии, приводящий к омонимии, – также свидетельство пусть и исчезающих, но генетических связей. Если у группы слов, созданных по одной структурной модели, есть омонимия (ср. *рыбачок:рыбачка*, *морячок:морячка*, *чудачок:чудачка* и т. п.), значит, у омонимии есть и структурные связи. Отношения субординации при словообразовании, приводящем к омонимии, доказаны в работах Е.Л. Гинзбурга и П.А. Соболевой [6–8]. Почему же омогруппу нельзя считать органичной системой?

На наш взгляд, язык как целостное образование являет собой результат сознательного изменения системы с целью достижения необходимой точности отражения действительности. Поэтому речь следует вести не об органичности/неорганичности системы, а о случайности/детерминированности, и то не по отдельности, а в комбинаторике. И при этом говорить о соотношении экстралингвистических и лингвистических факторов. Так, создание словообразовательного гнезда – это сознательный человеческий акт, целенаправленное действие отражения изменившейся реальности, потребовавшей создания нового слова. Сама причина – экстралингвистическая, а вот уже выбор средств детерминирован средствами, имеющимися на этот момент в языковой системе. Словоизменительная парадигма – это также продукт целенаправленной языковой деятельности. Поэтому возникновение новой омонимии в результате словообразования или заимствования – это результирующий процесс случайно-детерминированного характера. Сама случайность при более пристальном изучении может оказаться детерминированной по ряду признаков. Так, сам факт заимствования термина «swim» (стиль плавания) из английского языка, а, к примеру, не из японского, может считаться, на первый взгляд, случайным. Но само обилие спортивных терминов английского происхождения, музыкальных терминов итальянского и т. п. говорит о неязыковых по сути, экстралингвистических факторах, с одной стороны, и языковых реализациях проявления – с другой. Фонетическое оформление английского слова с конечным твердым согласным в русском языке как мягкого привело к омонимии «кроль» (кролик) и «кроль» (стиль плавания).

Следовательно, можно утверждать, что из 7 типов изменений (преобразований), предлагаемых ОТСУ без учета тождественного преобразования, с омонимией и омонимизацией

системы как процессом связаны все 7 подсистем целостной системы преобразований. При этом видны переходы из подсистемы в подсистему, что важно для интерпретации динамики системы. Таким образом, доказано, что изменения в системе языка влекут за собой и изменения в системе омонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, В.А. Язык как система / В.А. Карпов. – Минск: Высшэйш. шк., 1992. – 302 с.
2. Петров, Ю.А. Методологические вопросы анализа научного знания / Ю.А. Петров. – М.: Высш. шк., 1977. – 266 с.
3. Обратный словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 944 с.
4. Блауберг, И.В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин. – М.: Знание, 1969. – 48 с.
5. Малаховский, Л.В. Соотношение графической и фонетической дифференциации омонимов в современном английском языке / Л.В. Малаховский // Лингвистические исследования. – Л.: Институт языкознания АН СССР, 1970. – С. 125–140.
6. Гинзбург, Е.Л. Одноименность однокоренных производных / Е.Л. Гинзбург // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1978. – С. 34–176.
7. Гинзбург, Е.Л. Словообразование и синтаксис / Е.Л. Гинзбург. – М.: Наука, 1979. – 262 с.
8. Соболева, П.А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов / П.А. Соболева // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1978. – С. 5–33.

SUMMARY

The problem of article concerns the research of a homonyms system in language and interconnection of the changes in a language system with the changes in a homonyms system. It is proved in the article that from seven types of transformations, that are proposed by general theory of U.A. Urmanzeve's system without taking into account the same transformations that connect with homonym's homonymisation of a system as a process connecting all seven undersystems of a complete system of changes.

Поступила в редакцию 04.11.2011 г.